

векам – потомкам. В итоге, только так, воспев великие дела, можно обрести бессмертие...

Литература

Державин Г.Р. Алмазна сыплется гора / Г.Р. Державин. – М.: Советская Россия, 1972. – 240 с.

Еще раз о «предромантизме» в «Видении мурзы» Г.Р. Державина

А.И.Иваницкий

Российский государственный гуманитарный университет

Ключевые слова: предромантизм, ночное видение, лиризм, поэзия лести, поэт-дворянин

На «предромантический» пласт од Г. Р. Державина, неоднократно обращалось внимание, начиная с Л.В.Пумпянского [Пумпянский 2000: 100], впервые увидевшего в них «оссианические» элементы. На примере «Видения мурзы» (1783 – 1784, опубли. 1791) мы хотели бы проследить возможные смысловые функции в державинской поэзии устойчивого мотива предромантизма: ночной лирической рефлексии поэта, венчаемой видением – «откровением». Для этого видится целесообразным разграничить исходные смысловые посылы предромантизма и собственно романтизма.

Большинство национальных романтических традиций основывались, так или иначе, на погружении либо возврате:

- а) в другое время (средневековые либо национальную древность);
- б) в другое пространство (юг вместо севера, либо наоборот);
- в) совмещении этих направлений возврата в ином хронотопе (например, т. н. «романтический эллинизм»)
- г) в другое измерение бытия (волшебное вместо материального, национально-почвенное вместо космополитического, духовное вместо телесного, интуитивное либо мистическое вместо рационального и т. п.). Характерен в этом плане девиз Новалиса: «Куда мы идем? – Всегда домой».

Соответственно социофизически данное в романтизме почти всегда оказывается тупиковым, ошибочным и лишенным ценности, а поэт-романтик не может возродить «золотой век» или хронотоп; он должен сам погрузиться в него – как правило, иррациональным путем.

Суммарно эти оппозиции воплотились в противопоставлении бытийно ограниченного и внутренне бессодержательного дня «безграничной» ночи. Это, формально временное противостояние, ставшее фактическим манифестом романтизма в «Гимнах к ночи» того же Новалиса, «по смежности» перешло в противопоставление земли не-

бу. Именно ночью, с появлением звезд, небосвод обретает свой облик и значение гигантской упорядоченной сферы, объемлющей Землю и управляющей ею.

Однако, по справедливой оценке А.В.Карельского [Карельский 2007: 128], в отличие от антипросветительского, по сути, романтизма, предромантизм возник в русле эволюции самого Просвещения. Движение «Бури и натиска» во главе с Й.Г.Гердером отвергло античную норму как единственное воплощение эстетического идеала, но не сам этот идеал, который выступил совокупностью либо синтезом различных национально-поэтических традиций. В свою очередь, т. н. «розенкрейцерское» Просвещение XVII века, фактически наследовавшее позднесредневековой алхимии, возводило этот идеал (художественный и бытийный) к предустановленной гармонии различных природных начал и сфер (см.: [Йейтс 1999]). Гармония эта безусловно управлялась небесными светилами – поэтому природная магия широко опиралась на астрологию.

В свою очередь, розенкрейцерству во многом наследовало масонство XVIII века, поставившее гармонию одухотворенной природы (достигаемую с помощью тайного / магического знания) в основу рациональной гармонии социума. В Западной и Центральной Европе масонство фактически соединилось с доктриной просвещенного абсолютизма, наделив монарха статусом верховного хранителя либо даже создателя такой гармонии. Безусловный характер это носило в Пруссии, а затем и в Австрии, где верховными руководителями лож были Фридрих II и его последователь, император Иосиф II.

Но в каком значении могли явиться эти мотивы в державинских стихах Екатерине, не терпевшей любую эзотерику, а масонов в финале своего правления даже подвергшей репрессиям? Возможно, ответ следует искать в контексте всего цикла державинских од Екатерине – «Фелице», радикально пересматривающих как характеры одописца и его адресата, так и формат их диалога. Как справедливо отмечает Г.А. Лесскис [Лесскис 1993: 80-81], безымянного одописца (эхо народа) у Державина сменяет свободный дворянин, чья поэтическая позиция обусловлена личностным суверенитетом. А столь же условный «богоподобный» монарх уступает место реальному человеку, который снисходителен к слабостям, поскольку понимает их человечность.

Следует отметить, что «ночная» экспозиция «Видения...» строится на постепенном «схождении» поэта от «космического» к земному и социально узнаваемому. От ночного небосвода, где

На темно-голубом эфире / Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире / Блистаючи с высот...

[Державин 2002: 86],

– он переносит взор на ландшафт ночной столицы: «...Петрополь с башнями дремал, / Нева из урны чуть мелькала, / Чуть Бельт в брегах своих сверкал...» [Там же]. А от «Петрополя» обращается к себе – не как к человеку вообще, а как к реаль-

ному обитателю екатерининского Петербурга, придворному царицы – и в то же время ее поэту:

...Блажен, – воспел я, - кто...
...не создан истуканом / И оных чтить не принужден...
Блажен и тот, кому Царевны / Какой бы ни было орды...
За рассказы, за растабары, / За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары / И в досканцах червонцы шлют...

[Державин 2002: 86-87].

Именно в русле этой лирической и в то же время социально конкретной рефлексии Державина, вдохновленного петербургской ночью, к поэту «...сошла со облаков жена...» [Державин 2002: 87], то есть Фелица. Ее монолог является прямым откликом на размышления Державина о своей поэтической судьбе. Фелица оспаривает достоинства его поэзии по двум основаниям: реальные дела важнее поэтических словословий, а лесть лишь вредит монархам:

Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже;
А где поэты не льстецы?..

[Державин 2002: 88]

Тем самым, устами царицы Г.Р. Державин дезавуирует жанр риторической хвалебной оды («героизма лести», по Гегелю) как государственного манифеста, озвучиваемого условно-анонимным пиитом столь же условному «владыке». Монолог Фелицы – по сути, инсценируемый самим поэтом «антитезис» в русле его лирического рассуждения. «Синтезом» же становится окончательное самооправдание Державина.

С одной стороны, он фактически приписывает Фелице заблуждение части его критиков, «...Без чувств мои что песни чли... / Которы в зависти сочли / Тебе их неприличной лестью...» [Державин 2002: 89]. С другой стороны, в одном с ними оказываются их антиподы – сторонники риторической хвалебной оды, считающие, что «...очень своевольно / С Тобой Мурза Твой говорит...» [Державин 2002: 89].

Эта разноголосица критиков («И словом, тот хотел арбуза, / А тот соленых огурцов...», там же) подтверждает, с одной стороны, ущербность риторической оды (поэзии «лести»), а с другой – непричастность Г.Р. Державина ей. Его гимны Фелице – диалог двух самодостаточных людей. Это и делает похвалы искренними, поскольку у них может быть лишь один неповторимый автор и столь же неповторимый адресат:

...Что сердца моего товаров / За деньги я не продаю,
И что не из чужих амбаров / Тебе наряды я крою...

[Державин 2002: 89]

Пророча свое бессмертие в качестве певца Екатерины («Тобой бессмертен буду сам» [Державин 2002: 90]), Державин утверждает именно собственную лично-поэтическую самобытность: поэт-ритор по определению безымянен не только после смерти, но и при жизни.

Таким образом, последовательно возникающие в «Видении мурзы» «ночные» размышления и видения, очевидно, не являются традиционными для предромантизма вестниками «иного» мира. Ночь здесь – сигнал *лиризма*. Ночное размышление представляет этот лиризм атрибутом суверенной личности поэта-дворянина. А лиризм «видения» – «необходимо-свободная» форма восприятия поэтом «Фелицы», лично-стно равной и духовно родственной ему.

Литература

Державин Г.Р. Сочинения / Г.Р.Державин / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Г.Н.Ионина. СПб., 2002. – 712 с.

Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвещение / Ф. Йейтс. – М., 1999. – 496 с.

Карельский А.В. Немецкий Орфей / А.В.Карельский. – М., 2007. – 618 с.

Лесскис Г.А. Пушкинский путь в русской литературе / Г.А.Лесскис. – М., 1993. – 524 с.

Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма / Л.В.Пумпянский // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – 864 с.

Образ Екатерины II в художественном сознании Г. Державина: вербализация и визуализация

А.В.Кистанова

Херсонский государственный университет, Украина
(Херсон)

Ключевые слова: аллегория, рисунок, текст, эмблема

Жизнь российского царствующего дома в XVIII веке тесно связана с аллегориями и эмблемами. В русскую культуру эмблема приходит в начале столетия и сразу становится востребованной для организации церемониальных мероприятий царского двора, в декорировании усадеб и парков, в живописи и архитектуре, театральном искусстве и литературе. Исследователями отмечен определенный панэмблематизм культуры русского XVIII века [Григорьева 2005: 83]. На рубеже XVIII – XIX столетий эмблематика, укорененная в художественном сознании, реализуется в творчестве как сознательно, так и как проявление культурной памяти, выражаясь в поэтических